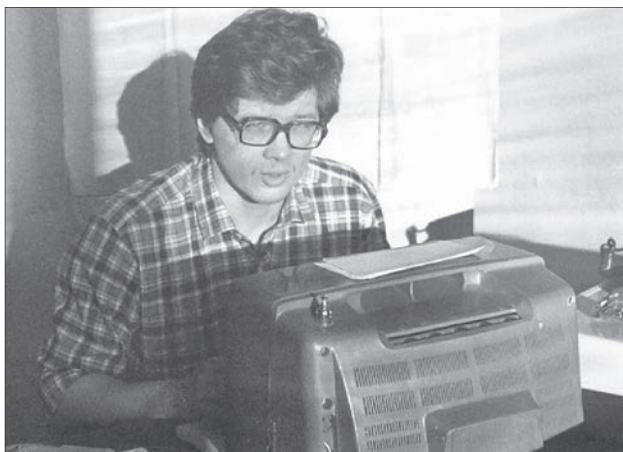

Вадим БЕДНЯКОВ, директор ЛЯП ОИЯИ

Чтобы вспомнить о том, как я познакомился с Юлианом Арамовичем Будаговым, следует, видимо, начать с того, что меня, Беднякова Вадима, на работу в ЛЯП взяли стажером-исследователем весной 1981 г. (после окончания физфака МГУ) в отдел С. А. Бунятова, который в то время был зам. директора у первого директора ЛЯП ОИЯИ В. П. Желепова и руководил большим по тем временам и достаточно многоцелевым экспериментом под названием «Нейтринный детектор ИФВЭ–ОИЯИ». Попал я в сектор П. С. Исаева, официальной задачей которого была, говоря современным языком, теоретическая поддержка «Нейтринного детектора».

В. А. Бедняков за первым в ЛЯП персональным компьютером

В 1985 г. наше глубокое погружение в науку завершилось защитами кандидатских диссертаций, а в 1986 г. — *вот с этого всё и началось* — в ЛЯП (а может, и во всем ОИЯИ) появились ДВА самых первых настоящих импортных персональных компьютера.

Очень быстро один у нас «отняли» и, по распоряжению директора ЛЯП, передали, как тогда ходили слухи, какому-то *неизвестному, но всемогущему*, по всей видимости, *Будагову!* Такие возможности этого человека на меня произвели сильное впечатление. Он, оказывается, тоже был начальником какого-то отдела в нашем ЛЯП. Так я впервые услышал и навсегда запомнил фамилию Будагов...

Поскольку я никогда не был даже близко учеником Юлиана Арамовича, то наше с ним общение было сконцентрировано, если можно так сказать, в плоскости дружбы и глубокого взаимопонимания. Мы, если вынести за скобки различие в возрасте (а это получалось само собой), общались совершенно на равных, беззастенчиво переча друг другу, если в этом была, конечно, необходимость. Мы даже как-то жили с ним несколько дней в одной оияиевской квартире под кодовым названием 300D в Миране. Понятно, что в такой ситуации невозможно было удержаться от вечерних послужинных разговоров про науку и на другие самые разнообразные темы.

Ю. А. Будагов и В. А. Бедняков обсуждают совместную работу

Холодной весной 2011 г. ели пиццу за 52 швейцарских франка на двоих в ресторане у церкви с часами в Миране. Не раз летали одним самолетом из Москвы в Женеву и обратно, часто сидели за одним столиком в знаменитом 1-м черновском ресторане за чашкой ароматного швейцарско-французского кофе, и не только кофе...

Для меня было большой неожиданностью узнать, что Юлиан Арамович очень высоко ценил Виктора Борисовича Бруданина. Мне казалось, что они, хоть и работали в нашей лаборатории очень давно, едва знали друг друга, и на моей памяти ученого секретаря ЛЯП практически никогда не фигурировали вместе. Я могу теперь только догадываться: быть может, эти отношения уходят своими корнями в раннюю деятельность Юлиана Арамовича в области физики нейтрино, о которой он мне как-то упоминал вскользь. По крайней мере, аналогичных отзывов со стороны Бруданина по поводу Будагова я не слышал. Тем не менее у меня сохранилось несколько их общих фотографий, за которые получил от Юлиана Арамовича: *«Спасибо огромное. Я очень дружил с Виктором, но мало кто это знал»*. Я привожу одну из них здесь не только для полноты картины, но и потому, что считаю этих замечательных людей если не отцами-основателями ЛЯП, то уж точно отцами-созидателями нашей лаборатории.

Ю. А. Будагов и В. Б. Бруданин

Вспоминая Юлиана Арамовича, нельзя не сказать о его уникальной черте — обеспечивать достижение нужного результата 200-процентной гарантией. Другой бы, обычный человек рано или поздно в том или ином случае положился бы на русское «авось». Для профессора Будагова это было неприемлемо. Он отслеживал-изучал-прорабатывал все возможные и даже невозможные на первый взгляд варианты-препятствия и заранее проводил порой крайне изощренную и тонкую работу по их устранению. Для меня эталонным примером такой работы была подготовка (с элементами убеждения), написание (с элементами стилистической коррекции) и защита (с элементами личного присутствия) кандидатской диссертации Н. Д. Топилина, руководителем которой был Ю. А. Будагов (вместе с А. Н. Сисакином). Излишне в связи с этим напоминать, что число диссертаций, выполненных в той или иной степени под научным руководством Ю. А. Будагова, давно претендует на место в Книге рекордов Гиннеса.

Другой особенностью личности профессора Будагова, видимо, унаследованной от его учителя Венедикта Петровича Джелепова, была способность находить, увлекать интересной работой новых соратников-сотрудников. Тому есть немало примеров. Самое важное при этом состояло в том, что он умудрялся систематически обеспечивать их разного рода заслуженными наградами и призами. Например, по линии эксперимента ATLAS среди награжденных Виталий Батусов, Михаил Ляблин, Николай Азарян,

М. Ляблин и В. Батусов с руководством ATLAS и заслуженными дипломами

Время — деньги...

Ираклий Минашвили — все ученики Юлиана Арамовича. Они были отмечены за вклад в метрологические контрольные измерения компонентов детекторов и несущих конструкций ATLAS, а также за исследовательские работы по развитию прецизионной метрологии нового поколения. Н. Д. Топилин по совокупности заслуг в эксперименте ATLAS и в проекте NISA в 2015 г. стал лауреатом всероссийского конкурса «Инженер года».

Третьей, не менее важной особенностью личности тов. Будагова было умение организовывать изысканно-питательные и вкусные, информативные и очень конструктивные застолья. Он, правда, ссылаясь на А. Н. Сисакяна как на учителя в этом деле. Рассказывал, как тот приглашал к себе в коттедж «нужных» людей и там в расслабленной и неформальной обстановке «за чашкой чая» находились решения серьезных научно-организационных проблем. Но мне почему-то кажется, что все было на самом деле ровно наоборот — Алексей Норайрович освоил и применял очень эффективно на практике этот талант Будагова.

Юлиан Арамович никогда не стоял на месте, он все время делал что-то важное...

Он постоянно напоминал мне (уверен, что не только мне) коротенькими письмами о днях рождения и других важных датах наших великих и просто дорогих нам общих знакомых и коллег. Замечательная и удивительная память на числа, телефоны и лица...

Читал переписку с ним — как заново общался. Его последнее письмо датировалось 11 сентября 2021 г. Оно было коротким: «Вадим Александрович, добрый день! Не заинтересует ли Вас деятельность Леандра Литова, моего ученика и коллеги по „Гиперону“? Извините. Ваш ЮБУДА». Очень-очень-очень жаль, что больше он не позвонит и не пришлет письмо за подписью ЮБУДА.

Я совершенно уверен, что если бы не эта пандемия и всеобщий психоз вокруг нее, то дорогой наш Профессор точно бы дожил до 100 лет... Как и обещал...